

Л. А. МЕНЬШИКОВ,

доцент кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории, кандидат философских наук

РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕЯ РЕНЕССАНСА

С непрекращающимися поисками «русской идеи» связано возникшее в начале XX века представление о третьем Возрождении, которое должно было выразиться в расцвете славянской культуры. Стронниками подобной концепции стали философы и деятели культуры, определявшие в 1900-е годы направление античных исследований в российской куль-

турологии: В. И. Иванов, Ф. Ф. Зелинский, И. Ф. Анненский. По их мнению, вслед за романским и германским должно наступить русское (славянское) возрождение¹. Все они

¹ См.: Хоружий С. С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 52.

как филологи-античники, конечно же, видели в грядущем возрождении античной культуры желаемую социокультурную модель, которая проявится в возвышении гуманистических начал культуры, в свободе творчества, в воссоздании эстетических идеалов греко-римской эпохи. Античность воспринималась ими как обладающий непреходящей ценностью опыт человечества, который периодически возрождается в истории.

Была сформулирована и противоположная трактовка роли Ренессанса в русской культуре. П. А. Флоренский в своей концепции социодинамики, трактовавшей исторический процесс как циклическую смену ренессансов и средневековий, говорил об отрицательных сторонах ренессансной культуры. Ему же принадлежит мысль о том, что возрожденческая культура как культура буржуазная и антропоцентричная, культура разделения и разъединения, давно уже (с Петровской эпохи) господствует в России. Именно с наследованием античных идеалов, переработанных романским Ренессансом, связан упадок русской православной культуры, который мы можем наблюдать. Надежду на истинный расцвет России Флоренскому давало приближение нового средневековья: только на его идеалах и может быть построено истинно цельное общество, способное противостоять разрозненности и разобщенности людей в культуре нового времени, вызванной прозападными тенденциями в нашей истории.

Еще одно значение понятия «Возрождение» введено в русскую традицию Н. А. Бердяевым, который вкладывал в него только один смысл — восстановление национальных религиозно-нравственных корней. В этом ключе используется категория «русский религиозно-философский ренессанс». Понятно, что ни о каком «возрождении античности» в традиционном понимании этого термина здесь речи идти не может. Античность в данном случае рассматривается как национальная древность, обращение к которой является залогом воссоздания собственной культурной модели, воссоздания, ведущего к новому расцвету.

В русле этих концепций находится и еще одна, гораздо менее известная теория русского Возрождения, созданная Л. В. Пумпянским. Участвуя вместе с Н. М. и М. М. Бахтинскими в заседаниях Вольфилы (Петроградской Вольной Философской Ассоциации, 1919–1924 гг.), Пумпянский увлекается теорией третьего возрождения и строит на ее основе свою культурологическую теорию. Согласно ей, русское возрождение уже было и благо-

получно завершилось. Возрождением античности в России он называет время расцвета петербургской культуры — от Петра I до Александра III. Неоклассицистская цивилизация, созданная на берегах Невы, была производной от европейского Ренессанса, она напрямую унаследовала его угасающую традицию. Появление символистского поэтического направления ознаменовало конец этой эпохи. Символизм — всего лишь русский вариант маньеристских изысканий в Италии. «Вульгарный лиризм» поэзии конца XIX — начала XX века стал предшественником грядущей реформационной и буржуазной эпохи.

Символом переходности культуры начала XX века как культуры маньеризма для Пумпянского была фигура Ф. М. Достоевского, своими художественными поисками открывшего многие пути для искусства модерна. Творчество Достоевского знаменует начало «эпохи великого расстройтва (дезорганизации) европейской поэзии»². Начало этой эпохи в европейской культуре, где она приходит на смену германскому Возрождению, можно видеть в «Гамлете», а также и в творчестве Шекспира в целом. Именно в трагедии принца Датского разрушается оптимистичная гуманистическая парадигма ренессансной культуры. В романах Достоевского происходит то же самое. Здесь пропадает тот «дионисический восторг — начало русской культуры»³, который можно было наблюдать в ней на протяжении XVIII–XIX веков, во время господства ренессансно-классицистской традиции. Именно восторг от восприятия жизни, о котором писал и В. И. Иванов, определял последовательное внедрение европейской традиции в России. Как раз его Пумпянский называет «чистосердечным исповедыванием ренессанса»⁴.

Русская культура получила от Европы нравственную и духовную силу, позволившую ей менее чем за столетие сравняться с Западом по глубине и цельности светского мировосприятия. Но в конце XIX века перед Россией неизбежно встает гамлетовский вопрос — о возможности ренессансного мировосприятия, о возможности ренессанса как такового. В результате русская культура теряет легкость, воздушность, жизнерадостность и оптимизм, свойственные ей на протяжении почти полутора столетий. Это жизнелюбие пронизывает мироощущение всех русских творцов

² Пумпянский Л. В. Классическая традиция. М., 2000. С. 506.

³ Там же. С. 507.

⁴ Там же.

культуры XVIII века. Не только классицизм, который по определению должен утверждать положительные жизненные идеалы, но и барокко, казалось бы, пренебрегшее в России своим «помни о смерти», создают тексты, преисполненные восторга и очарования.

Сила, которая переполняла самосознание представителей русской культуры, ощущение мощи государства — еще одно подтверждение идеи о ренессансном характере русской культуры этого времени. Эта сила только подчеркивает жизнеутверждающий характер культуротворчества. Переломные элементы обнаруживаются уже с начала XIX века. «Серьезность началась с Пушкина»⁵. Эти переломные моменты Пумпянский видит в нарастающей политизированности культуры. Политическая тема, тема изменений в культуре есть то наследие, которое дано России Шекспиром. И Достоевский своим творчеством эту политическую тему завершил. Политическая тема — наследие, воспринятое Шекспиром от античности. Для Пумпянского знаком кризисности эпохи было обращение к сюжету о мести Ореста. Неиссякаемая трагичность, которая присутствует в этом мифе, — сигнал к тому, что Ренессанс клонится к своему закату. Смешивается и переворачивается устойчивая система категорий, рушатся самые крепкие связи — связи семейные. Это показывает, что человек перестает быть ценностью (ставится под сомнение антропоцентризм ренессанса), что ценность перемещается в нечто противопоставляемое человеку. То же и в «Гамлете». Вопрос об ответственности человека перед чем-то — вопрос, который не может быть задан ренессансным человеком в силу его центральности и самоценности.

Достоевский продолжает эту тему, но к трагичности неразрешимого конфликта до-

бавляет огромную долю комизма, переходящего в фарс. Вопрос об отцеубийстве, хотя и превращается традиционно в вопрос о смысле истории (от ответственности Клитемнестры и Ореста — к вопросу о соотношении семейного и общественного, от мести Гамлета — к «мир распался...», от смерти Карамазова-старшего — к «Великому Инквизитору»), но в этом переходе появляется множество не просто негероических, не просто фарсовых, а даже пошлых моментов. Как писал об этом Пумпянский, «пролил кровь не сын, а лакей, незаконный сын, а ареопаг губернских присяжных заседателей совершил судебную ошибку»⁶. Это и есть «последний звук трагического пения», который знаменует конец Ренессанса. Закончилась серьезная эпоха, начинается ревизия устоявшейся системы взглядов. Разрушились вечные, принятые всеми ценности, культура оказалась на распутье — впереди много возможностей, и каждый воспользуется своей — теряется единство, наступает модерн.

И действительно, реформационное движение не заставило себя ждать. Модерн в философии вылился в эпоху религиозно-философского ренессанса. Был ли он воссозданием традиций православного «думания»? Много об этом сказано, и нет необходимости приводить дополнительные примеры тому, что он действительно был реформацией — попыткой преобразовать (преобразить?) православную идеологию, от которой в философии Серебряного века остались разве что цели — действительно нравственные и вполне ортодоксальные. Но путь, предложенный Соловьевым, Бердяевым, Булгаковым, Флоренским, — разве не та же гордыня Лютера, которая установила торжественное шествие ренессанса в XVI столетии?..

⁵ Пумпянский Л. В. Указ. соч. С. 508.

⁶ Пумпянский Л. В. Указ. соч.